

Отражение собственной силы

Проза Виктора Слипечука: жанровое разнообразие и этическое единообразие

ЧИТАЕМ КНИГИ

✍ Марина Кудимова

Хорошая проза, разумеется, кроме дарования автора складывается из нескольких компонентов. Чувство жанра, в котором пишется произведение (новелла и роман создаются по разным законам); языковая насыщенность, отвечающая поставленной замыслом задаче; аллюзии, которые рождает произведение по мере прочтения; уровень знания предмета повествования. Новеллы В. Слипечука ближе к очеркам. Это прекрасная русская традиция, начиная с Пушкина, продолжая Тургеневым и Лесковым и подводя к деревенским очеркам В. Солоухина, Б. Можая, В. Овечкина, Ф. Абрамова и основательно подзабытого, а когда-то очень популярного Е. Дороша. Славный ряд! О его архаике, «устарелости» рассуждают те, чье сочинительство не насыщено биографией, а, говоря высоким стилем, судьбой. Виктор Слипечук в смысле первых тезисов — основательный и добросовестный их приверженец, а в смысле последнего тезиса — просто счастливчик! Достаточно заглянуть в Википедию, чтобы сегодняшние бессудбинные сочинители, не имеющие за плечами часто никакого опыта, кроме отроческого курения «за гаражами» и общежития Литинститута, обзавидовались. Увы, такое впечатление, что большинству лауреатов литературных премий просто невдомек, о чем речь. И поэтому им катастрофически не о чем писать.

За плечами Слипечука — и это если вкратце — Омский сельскохозяйственный институт, армия, работа зоотехником по овцеводству (в результате написал в соавторстве книгу «Бараны-производители Алтайского края»). Если кому смешно — посмейтесь. Академик Д. К. Беляев, великий генетик, всерьез оценил работу как выдающуюся). Дальше еще интереснее. Слипечук получил пост старшего редактора Барнаульского ТВ. Думаете, успокоился? Куда там! В 1971 г. ушел в море матросом на БМРТ. Стал первым помощником капитана. Потом трудился рыбодомом. 7 лет отдал всесоюзной ударной стройке Алтайского Коксохима — от плотника-бетонщика до собкора краевой молодежи. Такая вот романтика трудных дорог! И только потом Виктор Трифонович окончил ВЛК, поселился в Новгороде Великом и стал постепенно и упорно приближаться к неотрывному писательству. Но каждый этап судьбы снабжал его таким материалом, которого хватало бы на добрых три тома в серии ЖЗЛ. Точность деталей, жесткая окантовка сюжета — лишь поверхностные характеристики его прозы: «Тихонов стоит на выкатке тележек из морозилки и получает пай как матрос первого класса, потому что стоять на выкатке — это не то что стоять на фасовке. Руки у Витьки всегда красные, как вареные. Витька подает на выбивку противни с мороженой рыбой» (рассказ «Перегруз»).

Новеллы-очерки Слипечука написаны не вчера. Последние десятилетия писатель отдал крупным формам. Но высокая этическая планка, заданная русской литературе «золотым» веком, не снижается оттого, что ее постоянно сбивают низкокачественные атлеты, случайно или по блату прошедшие олимпийский отбор. Вот рассказ «День Победы». Детдомовцев перевозят в другое учреждение. Поезд проезжает голый послевоенный колхоз. В телеграмме, упреждающей приезд, велено обеспе-

Каждый этап судьбы снабжал его таким материалом, которого хватало бы на целых три тома в серии ЖЗЛ

чить встречу и отправку далее, а также не перечить, если местные захотят усыновить сирот. Встречу обеспечивает Яков Антонович Хвоц, бывший бригадир колхоза «Путь социализма», ныне председатель сельсовета. Но оказывается, что всех детей разобрали на предыдущих станциях. Осталась одна девочка Оля, и Хвоц, инвалид войны, одинокий мужик, потерявший жену и сына, принимает решение усыновить ребенка.

Эмоционально особо выделяется рассказ «Похоронка». Мария Васильевна, уборщица в Доме офицеров, вдова солдата, одна воспитывает дочек, отдавая им всю себя без остатка: «Дети одеты, а что впроголодь, то нынче все впроголодь, такая война прошла, кругом поруха». Однажды она получает письмо от свата, из которого следует, что ее муж Степан жив: «Ты похоронку имеешь, а он модами торгует, во, сватья, как!.. В сорок пятом выписался из госпиталя, бухгалтершу хозмага взял. Я, — говорит, — воевал, медалей и ранений полный воз, орденом Славы отмечен. У меня, куда ни оглянусь, одна война кругом, все загорела, кроме ее, ничего не слышу, ни детей, ничего. У моей нынешней, — говорит, — так же, вот мы и вместе, а для Маньки я убитый. За то она и пособие на детей получает, убитый я, те ее документы правильные. Ежели она не согласная, на меня нынешнего замахнется, я с ней жить не буду...» Мария Васильевна поначалу радуется, что муж живой. Но постепенно осознает, что ее и дочерей подло предали, заболевает и умирает. Русская женщина, перемогшая всю «безмерную тяжесть», наваленную на женские плечи войной, раздавлена преда-

В.Т. Слипечук поражает воображение как разно- и многообразием своих книг, так и цельностью их смыслообразования.

тельством, не может перешагнуть через нравственный императив и брачный обет. При этом ни слова осуждения не посылает в адрес беспутного мужа и не настраивает против него дочерей.

Еще один след судьбы в новеллистике В. Слипечука просматривается в северных пейзажах, рельефно прорисованных во многих рассказах. «Мы подвезаем к Суларине, к речке, несущейся с огромной скоростью. Она несет с гор, она мчится к Буре — своей старшей сестре. Вода перепрыгивает через валуны и пенится. Вода в Суларине кипит, как в котле, камни варятся в этой воде» («Пластинки»). «В сумерках в тайге чудовищные животные высовываются из-за корневищ. Рычание и насильственная смерть мерещатся в зарослях, улыбающихся днем» («Чужой»). Пейзаж в русской прозе — не просто деталь, создающая атмосферу, но часто — непосредственный соучастник сюжета. Проза Слипечука подтверждает эту истину на каждом жанровом повороте. Величественный и магический северный пейзаж не заслоняет у него человека, не служит лишь фоном действия, но объясняет характер действий и поступков героев. Недаром произведению, на котором мы остановимся ниже, предпослан эпитафия из «Этики жизни» Т. Карлейля: «Быть может, наше «Я» — единственное действительное сущее, а природа с ее различными произведениями и разрушениями — лишь отражение нашей собственной внутренней силы».

II

Способ повествования «Светлого Воскресения», одного из самых известных и переиздаваемых творений Виктора Трифоновича, обозначен как «повесть в рассказах». Но фокус в том, что написана повесть в жанре фантастики. И кажется, никто до Слипечука не пытался писать фантастический текст в стиле «деревенской» прозы. Впрочем, стиль и композиция повести в рассказах завязаны на несколько мудре-

ных морских узлов: автор, напомним, служил матросом на рыболовном траулере.

Некий альманах начинает публикацию дневников «не каких-то там замечательных людей, а самых обыкновенных, рядовых. Интерес к публикуемым материалам оказался настолько велик, что за последние полтора года тираж альманаха вырос втрое. В последней книжке мы напрямую обратились к читателям, чтобы присылали в редакцию свои дневники». В кабинете редактора появляется экзотический дед с правнуками-двойняшками. Посетители крестятся на календарь с репродукцией рублевской Троицы и оставляют редактору тетрадку с записями. Далее следует ремарка, достойная закоренелого последователя теории интертекстуальности Ю. Кристевой. Редактор постоянно теряет тетрадку, и в нее каждый нашедший вписывает свои дополнения и комментарии. Так что, возможно, некоторые страницы действительно созданы анонимным «деревенщиком».

Текст в тексте — принцип «общей тетради» — прием не новый. В конце концов, и «Капитанская дочка», и «Повести Белкина» тоже интертекстуальны. Постаревший Петруша Гринев пишет мемуары для потомков. По мере развития сюжета автор-повествователь словно бы забывает об этом. Так и в повести Слипечука читателю милостиво позволяется «забыть» содержание завязки. Да и стилистика повествования совсем не дневниковая. Нам предлагается «войти» в текст и обосноваться в нем. Менять фабулу, безусловно, нельзя: ее хозяин — автор произведения. Но соприсутствие — причем не как в кино, а скорее как в театре, — входит в авторский замысел. Потому и «дневниковость» уступает место сказовой форме и фантастика пишется как деревенская проза, тем более что действие происходит в деревне Шубенка.

На самом деле никакой «забывчивости», конечно, нет и не может быть у столь опытного мастера. «Фиолетовая тетрадь» с записями возникнет во второй — «Вода жизни» — и третьей новелле — «Свет прорицающий». Название и общий пафос этой части повести помимо эвангелических ассоциаций вызывает в памяти замечательную книгу Г.А. Мейера «Свет в ночи», посвященную духовным смыслам романа Достоевского «Преступление и наказание»: «Для того чтобы снова открылось нам прорицающее сердце природы и могли бы сердца человеческие, как встарь, вступить в духовное взаимодействие, надо соборно отказаться от дурной отвлеченности, от бесплодных, якобы научных теорий, прильнуть душой к живым существам и вещам и возродить древнюю связь с родными пенатами... Надо во многом возвратиться к детским восприятиям жизни. Тогда откроются нам потаенные ходы бытия и обнаружатся дотоле скрытые неразрывные сращения между собой всех явлений и вещей, всего живущего». Так открыто тайнам бытия детское сердце «сквозного» героя повести Шурки Доброты.

Итак: «Шурка и Николай — братья-близнецы. Они родились в семье колхозного бригадира Тимофея Коржа, которого еще со школы все называли не иначе как Тимоха Доброты». Смысл прозвища раскроется во втором рассказе цикла. Причем отцу Тимофея Еремее прозвище даже поставили в паспорте вместо фамилии. Шурка получил черепно-мозговую травму, крутя на турнике «солнце», дальше учиться не смог, пошел в пастухи, зато получил дар художника и дар прозорливости. Компенсация, что и говорить, щедрая! С этими дарованиями связа-

культура

ны дальнейшие события. На первый взгляд, рассказ «Дети двойной звезды» рождает аллюзии с советской фантастикой в диапазоне от «Аэлиты» А. Толстого до «Туманности Андромеды» И. Ефремова. Конечно, в названии проглядывается и «Свет далекой звезды» А. Чаковского. Но и западные фантасты, писавшие о внеземных цивилизациях, приходят при чтении на ум.

В одном из видений Шурке являются «три человека, словно сотканые из прозрачно-серебрящегося света. Того света, которым сейчас, кажется, еще интенсивнее было насыщено все вокруг и который всего минуту назад с таким упоением он старался запечатлеть красками». Но с серебристыми инопланетянами, обнаружившимися в Шубенке, не все так просто. Посланцы с планеты Иус — жертвы тринадцатой космической бури, сулящей катастрофу всему человечеству: «Тринадцатая буря — это цивилизация автоматов, или, как они называют, тринадцатая степень ее развития, когда из одушевленного разума, то есть имеющего душу, произрастает разум неодушевленный. Через каждые пятьдесят лет по звездному времени существования этой планеты обновляются, они не ведают биологической смерти, их ждет иная гибель. Они уже погибли. Это страшная цивилизация. Мы все — дети двойной звезды с планеты Иус».

То есть речь идет об искусственном интеллекте, призванном заменить в пору расцвета эпохи глобализма душевную и духовную сущности человека: «Потому что люди, овладевшие совершенным знанием, научившись предотвращать космические бури, со временем утрачивают способность ставить преграды своим желаниям». И посланцы — то ли в образе библейских волхвов, то ли будучи воплощением живоначалной Троицы — трех ангелов под Мамврийским дубом, начав с деревни Шубенка, намереваются спасти землю от страшного искушения. Эта тема выводит новеллу за грань атеистической в своей основе научной фантастики и намечает путь к жанру метафизической, духовной «фантастики», которой пронизано Откровение Иоанна Богослова. Принципу тринитарности — троичности — Слипенчук следует в повести строго и неукоснительно. Ведь и основных героев — три: дед Еремей (Иеремия) и его внуки Александр и Николай, который полноправно вступит в сюжет в третьей новелле.

Социальные и интеллектуальные вызовы «последних времен» — будь то искусственный интеллект, проблемы конца света или людей Индиго — в романе «Звездный Спас» — лишь современные модификации Священного Писания. Автор ведет героев к Истине, которая есть Бог живой: «Шурка не верил в библейского Бога, но и не отрицал его. Он вывел свою собственную картину мира, по которой выходило, что над Землей есть планетарная духовная оболочка — что-то наподобие мыслящей и созидающей энергии». О том, что такое духовность, рассуждает в «Свете прорицающем» таинственная индианка: «Я думаю, что духовность — это осознание себя в своей нации, нации — во всем человечестве, а человечества — во всей земной природе, через которую и мировой космос — твой родной дом, твой Бог». В книге «У истоков революции» упоминавшийся Г. Мейер, считавший себя учеником К. Леонтьева, пишет: «Народ» — понятие биологическое, это совокупность всего населения данной территории, этнографическая масса, не имеющая качественных характеристик. Напротив, «нация» состоит из личностей, и, чем больше индивидуумов похищает нация у народной гущи, одухотворяя их в процессе похищения, превращая каждого из них из индивида в человеческую личность, тем крепче в данной стране национальный слой...» Судя по всему, такая позиция близка и философии В. Слипенчука.

Градус аллюзий в повести постоянно повышается. Новелла «Вода жизни» в канве повести «Светлое Воскресение» занимает особое, центральное место. Она посвящена смерти и воскресению деда Еремея. Да, ни больше ни меньше! Толстовская «Смерть Ивана Ильича» перекликается с «Братьями Карамазовыми». Возле умирающего деда появляется весьма напоминающий «гостя» Ивана, но сильно уменьшившийся в размерах вертлявый человек в костюме-тройке и котелке, похожий в то же время на лектора из общества «Знание» с профанным докладом «О мифах и суевериях». Дед Еремей глубоко возмущен тем, что «по представлениям этого человечка в жилетке можно творить добро, вовсе не сознавая, — что творишь?»

«Неверно, никак неверно, только зло можно творить не ведая, а добро по всем статьям выше зла, добро требует вдумчивой сознательности, — рассуждал дед. — За добром — Бог». Обретение Бога далось колхозному бригадиру Коржу непросто. А «князь вещества», материального мира, соблазняет его «бессмертием по-нашему» — возможностью прожить жизнь «шиворот-навыворот», в обратном порядке лет, и намекает на некий «ржаной сухарик».

С «сухарином», метафорой пяти хлебов Евангелия, которыми Христос насытил толпу голодных, связана главная аллюзия «Воды жизни». Когда-то Еремей был комсомольским активистом и притчу о пяти хлебах приводил как пример чистого надутельства «религиозников». Вернувшись в родную, почти вымершую украинскую деревню Ненадиху в разгар голодомора, Еремей находит в вещмешке тот самый ржаной сухарик и протягивает его девочке Гане. Та, несмотря на лютый голод, не задумываясь предлагает сухарь тетке, которая произносит будущее прозвище Еремея Коржа, заменившее ему фамилию: «Доброть, а не ребенок!» Сухарь переходит из рук в руки полуживых сельчан, и каждый, вдохнув ржаной запах, чувствует насыщение. Кусочек засохшего хлеба возвращается к владельцу, совершив духовный круговорот. Дух, исходящий от пасхального кулича, — ведь дед собрался помирать в Светлое Воскресение — воскрешает его, побуждая возвестить миру:

— Христос воскрес!

И услышать в ответ:

— Воистину воскрес!

Однако новелла называется не «Хлеб жизни», а «Вода жизни». Помнится, так называлась ранняя новелла Булгакова, посвященная заводу водки на станцию «Сухая Канава», очухивающуюся после гражданской войны. В целях борьбы с пьянством «очищенную» продают только с закуской. Когда же закуска кончается, а очередь продолжает томиться, людям в нагрузку предлагают... зубной порошок. Вода жизни — Aqua vitae — изобретение средневекового алхимика Арнольд из Виллановы, автора знаменитого «Салернского кодекса здоровья». Но разве алхимию имеет в виду В. Слипенчук? Конечно, нет! Это аллюзия на Евангелие от Иоанна. Когда, находясь в Самарии, Иисус захотел пить, он присел у колодца Иакова и попросил воды у женщины-самаритянки, чем немало ее удивил: иудеи и самаритяне чурались друг друга. Но Иисус ответил самаритянке: «Если бы ты знала дар Божий и кто говорит тебе: «дай Мне пить», то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую» (Иоанн 4:10).

Русская литература в ее высших образцах пьет из неиссякаемого Источника воды живой. И достигает высших образцов, только если нашла этот всем открытый Источник. В.Т. Слипенчук, поражающий воображение как разно- и многообразием своих книг, так и цельностью их смыслообразования, щедро делится водой жизни с читателем.